

Часть 1

Между Сакутой, старшей Сёко и Май повисло молчание.

Наконец тишина была нарушена шагами. Май пересекла комнату и подошла к кровати Сакуты. Стоя рядом с ней, она сначала посмотрела на него, а затем на Сёко.

— Что ты имеешь ввиду?.. — спросила она.

— ...

Что ему следует ответить? Как отреагировать? Он не знал. Это была ситуация не из тех, где Сакута мог выйти сухим, или говорить о том, что происходящее – пустяк. Все трое чувствовали напряжение, повисшее в воздухе. Именно поэтому они и молчали. Оно казалось настолько плотным, что его можно было резать ножом.

Сёко вздохнула. Это было явно для того, чтобы привлечь внимание. Сакута и Май повернулись к ней.

— Через десять дней, — начала она.

Осознала ли она, что иного выхода нет, или же все это время собиралась рассказать об этом Май? Однако говорила она со всем спокойствием.

— Двадцать четвертое декабря.

Рождество. Не такое уж и далекое будущее.

— Согласно прогнозу погоды, это будет самый холодный день за всю зиму, и вечером начнется снегопад. Для южного региона выпадет достаточно много снега.

По глазам Май было видно, что она хотела задать вопрос, но промолчала, не желая перебивать Сёко. Какие бы сомнения не вызывал этот рассказ, Сакурадзима предпочитала сначала дослушать его.

— Сакута пообещает прийти на свидание с тобой, и по пути... машину занесет на льду.

Сёко описывала события которые еще не произошли, так, будто все это уже случилось. В ее словах не было ни надежды, ни отчаяния. Они были лишь констатацией фактов. Ни больше ни меньше. Сёко просто знала, что это происшествие реально, естественное развитие событий в ее мире. Сёко была на шесть-семь лет старше младшей версии себя, и события, которые

должны произойти через десять дней для нее – далекое прошлое.

— Откуда ты знаешь?.. — спросила Май. Весьма очевидный вопрос.

— Потому что я из будущего.

Май на мгновение нахмурила брови. Она поймала взгляд Сёко, обдумывала ее слова и повернулась к Сакуте.

— Это правда, — сказал он, кивнув.

По крайней мере она была права насчет планов Май и Каэдэ на Рождество. А то, что планирует Каэдэ, нельзя было просто так предугадать.

Май долго размышляла об этом.

— Понятно... — ответила она.

— Сакуту доставят в больницу, но он так и не очнется. В итоге ему констатируют смерть мозга.

Он уже все это понял в момент, когда осознал правду, однако слышать это из уст Сёко было неприятно. Для него это был сильный удар.

Сакута потянулся рукой к груди.

— ...

Он почувствовал свое сердцебиение.

— Среди его вещей найдут донорскую карту. Когда ему констатируют смерть мозга, врачи получают разрешение у родителей на пересадку. По крайней мере так мне сказали.

Пока Май молчала, Сакута издал тихий звук. У него пересохло в горле, из-за чего звук застрял в нем.

Что же было в голове у его отца, когда ему позвонили? Когда сообщили о смерти сына, а спустя несколько мгновений попросили одобрение на использование его органов?

У него не было времени разбираться в своих эмоциях. В тот момент отец с уважением отнесся к его желаниям и одобрил донорство.

Сёко была живым подтверждением этому. Ей сделали пересадку, и она осталась живой и здоровой.

— Спустя три дня после инцидента, 27 декабря... Я буду в отделении интенсивной терапии, мою жизнь будет поддерживать желудочковый аппарат*. И чудом вовремя найдут донорское сердце.

[П/КС: Желудочковое вспомогательное устройство – автоматическое устройство-насос, поддерживающее работу сердца и заменяющее правый или левый желудочек. Используется пациентами с сердечной недостаточностью до трансплантации либо когда трансплантация невозможна. Устройство не заменяет сердечную камеру, но поддерживает её работу.]

Сёко вновь положила руки на грудь. Она закрыла глаза, будто слушая сердцебиение.

— ...

Он не знал, что спросить. Рассказ Сёко ответил на все его вопросы. Потребовалось всего лишь пару минут на изложение фактов. Фактов о его смерти.

— И когда ты проснулась?.. — спросил он, немного подумав. Скорее всего, этот вопрос ей задавали часто. Но Сакута решил задать именно его, так как будущий он уже не сможет.

— Когда я проснулась после операции, все казалось каким-то нереальным. Анестезия все еще действовала, а потому я вскоре вновь заснула.

— ...

— Но, проснувшись в следующий раз, предо мной предстали красные от слез глаза мамы. Я знала, что она плакала все это время, и была так счастлива, что сама не сдержала слез.

— ...

— Ясно, — сказал он, почувствовав облегчение от услышанного.

— Мой отец снова и снова повторял: «Слава богу», и я почувствовала облегчение. Я вновь могла чувствовать, как бьется мое сердце.

— ...

— Ту-дум, ту-дум. Сердце, что спасло меня. Оно билось здесь...

Слезы прерывали ее речь. Те эмоции нахлынули на нее вновь. Из глаз вытекало все больше и больше капель, которые стекали по щекам. Сёко вытерла их пальцами.

— Я даже не знала, кто был донором, и лишь раз за разом благодарила того человека, кем бы он ни был.

В ее глазах был покой. Изобилие доброты. Эта благодарность была адресована Сакуте.

— Я ничего не подозревала, пока не закончилась реабилитация, и меня не перевели из отделения интенсивной терапии в обычную палату. Обычно узнать донора можно только при особых обстоятельствах, но...

В случае Сёко обстоятельства таковыми и оказались. Это было даже не так драматично. Простая логика.

— Ты узнала, так как была знакома со мной.

— Да, — прошептала она, кивнув. — Я не смогла дозвониться тебе, когда хотела рассказать о том, как прошла операция. Сначала я не могла понять почему, но...

Сёко подняла голову и посмотрела на Май.

— ...был человек, который видел абсолютно все, — сказала она с взглядом полным боли. — Май все рассказала. По ее словам, я так или иначе узнала бы, если бы попыталась повидаться с тобой.

Май сидела не проронив ни звука. О таком развитии событий она была не в курсе. Что было на уме будущей Май в тот момент, когда она решила рассказать Сёко всю правду?

Сакута не знал. И, вероятно, Май из настоящего тоже.

— Вот и все, что я могу рассказать, — в заключении сказала Сёко с грустным выражением лица. Ее немногословная история несла огромный эмоциональный вес. — История о том, как Сакута спас меня.

— ...

У него не было слов. Неужели это все еще казалось нереальным? Или нечто иное беспокоило его? Но даже так, Сакута ничего не мог сказать.

— ...

Май была в том же состоянии. Она не смотрела в глаза ни Сакуте, ни Сёко. Вместо этого она рассеяно смотрела на основание кровати.

— Так что советую вам провести Рождественское свидание дома, — сказала Сёко. Ее голос вдруг стал веселым.

Если они останутся дома, то двадцать четвертого декабря Сакуту не собьёт машина. Он не будет доставлен в больницу, а смерть мозга не констатируют. И тогда ему не стать донором Сёко.

Будущее изменится.

Он бы изменил его.

И Сёко не пересадят донорское сердце.

— Не беспокойся.

— Но...

— У маленькой меня еще есть время. Ты должен больше доверять современной науке.

— Говорит путешественница во времени...

Ему следовало сказать что-то еще, но он не смог подобрать слов. Сакута все еще не разобрался в своих чувствах.

Он не был уверен в том, что для него важно, что он должен защищать, или что он должен выбрать. Какие слова ему надо было сказать Сёко, которая уже приняла все?

— Я уверена, что найдется другой донор.

Улыбка Сёко была подобна теплоте объятий. Ее хватило, чтобы он почувствовал себя под защитой и в безопасности.

— Ох, точно, — сказала она, поднимаясь со стула. — Мне не стоит надолго оставаться в той же больнице, в которой лежит моя маленькая версия, так что я пойду.

— ...

— ...

Сакута и Май сидели неподвижно. Никто из них не мог как-то отреагировать на это.

— Май, — сказала Сёко.

— ...Да?

— Присмотри за Сакутой.

— Мне не нужно, чтобы ты говорила это, — сказала Май, дрожащим голосом.

— И то правда.

Сёко улыбнулась ей в ответ. В этом не было ничего веселого, но выглядела она так, словно совершила великое дело. Сакута не понимал, что это могло значить. Голова слишком сильно кружилась, чтобы подмечать каждый нюанс. А потому он лишь мог смотреть за тем, как она уходит.

Сакута и Май занялись бумагами и оплатой счетов, а затем, примерно через двадцать минут после ухода Сёко, покинули больницу.

Единственное логическое объяснение, которые они могли предоставить доктору по поводу ран, так это то, что старые шрамы вновь начали кровоточить. Но, так как кровь перестала идти, им не стали задавать какие-либо вопросы.

Сакута спросил о младшей Сёко, но в ответ получил лишь: «Мы не можем ничего вам рассказать, даже если вы ее знакомый». Но доктор сообщил, что ей делают операцию по имплантации устройства, которое будет поддерживать сердцебиение. Сакута был благодарен за эту информацию.

Больше он ничего не мог сделать в больнице, а потому оставаться в ней смысла не было. К тому же стало бы неудобно, если кто-нибудь вновь говорить о его ранах на груди. Он направился к выходу, где его ждала Май.

— Ну как, получилось?

— Да, я смог выкрутиться.

— Отлично.

После этих слов они вышли из больницы.

— ...

— ...

Долго время никто из них ничего не говорил.

Однако Сакута понимал, что мысли их были об одном. Он был уверен в этом.

Когда Май внезапно сказала: «Значит, все это правда», — Сакута не стал спрашивать, что именно.

— Не вижу причин ей лгать об этом.

— Лучше бы они были.

— ...

Они ещё немного поговорили, но вскоре опять повисло молчание.

В этот раз они шли медленнее обычного. Каждый раз, когда кто-то выдыхал, в воздухе образовывалось видимое белое облако. По всей видимости, им обоим надо было немного времени. Надо было немного побыть в тишине.

Чтобы осознать правду.

Чтобы принять правду.

Понадобились время и тишина, чтобы осознать реальность.

Май шла так близко к Сакуте, что их плечи едва ли не касались. Он чувствовал, насколько она близка, но продолжал смотреть лишь вперед.

Таким образом, они молча добрались до его дома.

Сакута направился прямо ко входу, однако почувствовал, как Май остановилась позади и уставилась на него. А потом он развернулся и первым начал разговор.

— Эм, Май...

Сакута еще не успел сделать какие-то выводы. Его эмоции не поспевали за реальностью. Просто интуиция подсказала ему, что он должен заговорить первым. Подсказала ему, что он не может оставить на нее бремя выбора его жизни.

— Май, эм...

Сакута определенно тянул время. Ему не шло ничего в голову, чем он мог бы заполнить эту удручающую атмосферу. Лишь одна мысль промелькнула где-то в закоулках его разума – раз и навсегда попрощаться с Май. Нужные слова уже были в горле, вот только буквально недавно он узнал, что чувствует человек, слыша эти слова, а потому решил промолчать.

«Больше не приходи меня навещать».

Сёко собрала всю храбрость на эти слова, которые оказались жестокими для них обоих.

— Сакута, — сказала Май, когда тот начал колебаться.

Он поднял глаза и увидел ее прекрасный взгляд, направленный на него.

— Я не собираюсь терять тебя.

— ...

Он не мог дать никакого внятного ответа. Он был настолько ошарашен пронизательностью Май, тем, как она прочитала момент, когда тот начал колебаться. А еще она дала ему ответ прежде, чем он успел произнести глупую просьбу забыть его.

— Нам придется изменить наши планы на свидание.

— ...

— На Рождество у Нодоки будет концерт, ее не будет дома. Так что можем посидеть у меня. Лишь мы вдвоем. Я весь день буду на работе, так что по пути домой куплю большой рождественский торт.

Казалось, что голос Май заполнял ночную тишину.

— На новый год ходим в храм Цуругаока Хатимангу*. В первые дни будет много народу, так что лучше будет сходить после зимних каникул.

[П/КС: Цуругаока Хатимангу – самый главный синтоистский храм в городе Камакура в префектуре Канагава, Япония. Храм является географическим и культурным центром города Камакура, который вырос по большей части вокруг этого храма и улицы, ведущей к нему. Храм является местом проведения самых главных фестивалей и праздников Камакуры.]

— ...Ага.

— А на день Святого Валентина я приготовлю тебе шоколад.

— ...Мм.

— Весной я окончу школу, но... я собираюсь выкроить немного времени в своем расписании, чтобы периодически приходить и заниматься с тобой учебой, потому будь готов.

— Ты наденешь костюм девочки-кролика?

— Надену, когда поступишь в университет.

— Не могу дождаться.

На первый взгляд, они разговаривали как обычно.

Их голоса звучали бодро и весело.

Но за его словами с улыбкой стояло пустое сердце. Они говорили о счастливом будущем, но он ничего не чувствовал. Казалось, будто тема разговора его никак не касалась. Он не чувствовал ни наслаждения, ни удовольствия, ни радости. Не было ни волнения, ни отчаяния или страха.

Он давал верные ответы, однако казалось, что эти слова говорились не по его собственной воле.

24 декабря. Рождество. Сакута погибнет из-за дорожного происшествия по пути на свидание с Май.

Сакута все ещё не смирился с будущим, рассказанным Сёко. Он знал, что ему осталось жить лишь десять дней, но у него все ещё было ощущение, будто ему говорили не о его смерти. И единственное, что он понял, так это то, что он не может представить, как умирает.

— А уже через год мы будем вместе учиться в университете.

— ...

— Поэтому я хочу, чтобы ты выбрал будущее со мной. Таково мое желание.

Выражение лица Май оставалось неизменным. Все это время она смотрела на Сакуту лишь с какой-то крупницей грусти в глазах. Ее голос не прерывался и не дрожал. Она не становилась слишком эмоциональной. Май просто спокойно обсуждала их совместное будущее.

— Сегодня заходить не буду.

— Ладно.

— Думаю, так будет лучше.

Ему нужно было время, чтобы все обдумать.

— Ты права.

Им обоим нужно было время. Ведь они понимали, что его у них осталось очень мало.

— Хорошо. Тогда, спокойной ночи, — Май помахала рукой на прощание.

— Да, спокойной ночи, — ответил он.

Сакута проводил Май взглядом, пока та заходила в здание через дорогу.

Она не обернулась. Не остановилась, чтобы одарить его озорной улыбкой или помахать ещё раз.

Стоило ей пропасть из виду, как Сакута поднял взгляд, посмотрел на небо и продолжительно выдохнул, выпустив в воздух белое облако.

— ...

В итоге, он ничего так и не сказал.

Часть 2

Учитель стоял у доски и решал экзаменационные задания по английскому. Но никто не слушал, ведь на носу были каникулы.

Ученикам вернули их экзаменационные листы. Некоторые нахмурились, глядя на свои оценки, другие продолжили играть в телефоне, который держали под партой.

Все это Сакута заметил краем глаза, пока старательно отмечал ошибки в своей работе и записывал правильные ответы на вопросы, на которые он дал неверный ответ. В принципе, их было немного. Наверху листа с тестом красовалась оценка 82 балла. Заслуга Нодоки. Хоть и вечно ворчала, но хорошо все ему объяснила. Однако эта рекордная оценка его не обрадовала.

Прошло уже четыре дня.

Четыре дня после того, как он упал в обморок из-за ран.

Столько же времени прошло с тех пор, как он узнал о том, что в канун Рождества его собьет машина.

18 декабря. Среда.

Меньше недели до того момента, как его судьба будет предreshена.

Он понимал, что день этого события становится все ближе, однако все еще не мог поверить в его реальность. Ему было неясно, что делать, а потому Сакута просто продолжал заниматься ежедневной рутинной.

Просыпался, одевался, шел в школу.

Сидел на уроках.

После шел домой. Продолжал работать в отмеченные дни. Если смена была вместе с Томоэ, дразнил ее, чтобы выпустить пар.

С наступлением ночи отправлялся спать и утром просыпался. А затем вновь все повторял.

Он не делал ничего особенного.

Сакута все еще заходил проводить Сёко после уроков, однако ее переместили в отдел интенсивной терапии, из-за чего навещать разрешили только родителям. Несмотря на это, он приходил в ее пустую палату.

Палата 301 – та, в которой лежала Сёко. Однако теперь Макинохара не находилась на здешней кровати. Ее учебники и тетрадки, а также пачка крекеров, привезенная Сакутой из Канадзавы, лежали здесь. Пелена грусти покрыла комнату. Сёко была своего рода источником света и

тепла в этом помещении, но теперь оно казалось пустым. Будто время остановилось.

Однако вчера, во вторник, заскочив после работы к Сёко, Сакута столкнулся с ее мамой. Она рассказала, что операция по продлению жизни ее дочери прошла успешно. Как и предсказывала старшая Сёко. Имплантированное устройство будет поддерживать ее сердцебиение. Он не мог сказать: «Хорошо», а потому просто ответил ей: «Я еще приду», прежде чем она вежливо попросит его этого не делать.

Старшая Сёко, полностью знавшая каждое последующее действие Сакуты, все еще жила у него дома. Она будила его, если он просыпал, готовила еду, провожала, когда он уходил, и встречала, когда возвращался домой. В ней ничего не изменилось. Будто покой не покидал ее. Он не мог понять, как такое возможно.

С того момента он особо не общался с Май. Они не избегали друг друга, но расписание Май не оставляло им времени на встречи. Можно было сказать, что Май тоже продолжала жить как обычно, прямо как Сакута. Ее расписание нельзя было просто так изменить. У популярной актрисы Май Сакурадзимы было много обязанностей. И Сакута прекрасно понимал, что она являлась тем самым человеком, который способен их выполнять.

Он заставил ее поделиться мыслями о его будущем. Заставил сказать эти ужасные слова.

— «Поэтому я хочу, чтобы ты выбрал будущее со мной. Таково мое желание».

Теперь решение оставалось за Сакутой. Ему предстояло сделать выбор, который он делать не желал.

— ...

Он осознал, что перестал делать заметки.

— Я уверен, что у вас нет на это настроения, но очень важно перепроверять свои работы, — посоветовал учитель английского.

Сакута поднял взгляд. Учитель только что закончил объяснять последнее сочинение и отряхивал руки от мела. Прозвенел звонок, и четвертый урок закончился. На этой неделе уроки были только утром, так что уже к обеду все ученики освобождались.

Через несколько минут начался классный час – последний урок на сегодня, который быстро закончился, ничего важного на нем упомянуто не было.

Сакута собрал учебники и подумал о том, чтобы зайти в больницу. Но стоило ему только выйти в коридор, как кто-то тут же схватил его за плечо.

— Эй! Азусагава!

Он обернулся и увидел Саки. Она расставила руки по бокам так, будто злилась.

— Чего?

— Сегодня ты дежурный! Ты отсутствовал три дня, так что теперь будешь делать все в одиночку!

Сакута посмотрел на список дежурных. Саки была права. Они были в верхней части списка.

Из-за последних событий он был не в состоянии понять, что подводит других.

— Прости. Сегодня я обязательно со всем разберусь.

Сакута положил портфель на парту и открыл шкафчик для уборки, который стоял в задней части кабинета. Азусагава взял метлу и начал сметать мусор к передней части кабинета.

— Эй.

Он поднял взгляд и увидел, что Саки подошла к нему. Она все еще выглядела сердито.

— Что?

— Ты даже не станешь препираться?

— А?

— Ты спятил?

— В этой ситуации я виноват. К тому же это ты сказала, чтобы я убирался в одиночку.

Такая уборка выглядела как честное наказание за трехдневное отсутствие. Сакута не понимал, почему он должен был препираться.

— И все же!

Сакута не понимал в чем ее проблема, но Саки явно была не в настроении.

— Поссорилась с Куними что ли?

— У нас все отлично.

— Тогда хорошо. Желаю вам вечного счастья, — сказал он абсолютно обычным голосом и продолжил подметать дальше.

— Ох?

Это «Ох?» прозвучало раздраженно. Он сказал или сделал что-то, что спровоцировало ее?

— Я знаю, что ты против моих отношений с Куними, — такой диалог может доставить неприятности, так что он просто продолжил убираться. — Я не понимаю в чем смысл.

В ее словах было еще меньше смысла.

— Ты вообще меня слушаешь?

Сакута продолжил убираться, но понял, что она разозлится еще больше, если он будет и дальше ее игнорировать, а потому сдался.

— Я не против. Я уверен, что у тебя есть хорошие качества, которые я не смог разглядеть.

— И что это вообще значит?

— Когда Куними говорит о тебе, не трудно догадаться, что он и вправду в тебя влюблен.

— ...

Саки продолжала с раздражением смотреть на Сакуту, но перестала выражать это словами. Неужели ему удалось хоть чуточку достучаться до нее? По крайней мере он на это надеялся.

— Твоя половина со стороны окон.

— Что?

Сакута поднял взгляд и увидел, как Саки взяла ещё одну метлу из шкафа. Она проигнорировала его вопрос и начала подметать ту половину класса, которая была ближе к двери в коридор.

— Что ты делаешь, Камисато?

— Убираюсь.

Он это видел.

— Почему?

— Я тоже дежурная.

— ...

Выглядело это странно. Они не могли даже нормально заговорить. Но, так как она решила помочь, он подумал, что ему не следует отказываться от ее щедрости.

— Эм, Камисато.

— ...

Саки даже не обернулась в его сторону. Она усердно убиралась, стоя к нему задом.

— Мне не очень охота, чтобы Куними убил меня, а потому тебе не стоит так нагибаться предомной.

Саки мгновенно поняла, к чему он клонит, и прикрыла юбку сзади рукой. Она обернулась, наполненная яростью.

— Чтоб ты сдох!

Сакута успел разглядеть лишь спортивные шорты, так что, по его мнению, такие слова были перебором.

— Как раз собирался. Не беспокойся.

Слова вылетели сами по себе до того, как он успел их остановить.

— Что ты сказал?

К счастью, Сакута произнес это слишком тихо, так что Саки не смогла услышать их.

— Я поблагодарил за помощь.

Она остановилась. Их взгляды пересеклись встретились, но Саки быстро отвернулась.

— П-прекращай уже, — прошептала она со странным смущением, обернулась и продолжила подметать.

— Что ты там сказала?

— Я сказала, чтоб ты сдох!

— Ох, точно, точно.

Сакута ухмыльнулся. Не отношение Саки к нему заставило его улыбнуться, а такой диалог, который он провел с ней, несмотря ни на что. Для него это было забавно. Он узнал свое будущее, а затем узнал совершенно новую сторону человека, с которым постоянно ссорился. Как тут не улыбнуться?

Такой большой класс было проблемно прибрать даже им двоим. Заняло это в три раза больше времени, чем обычно. Что логично, ведь обычно этим занимается в три раза больше людей. А будь Сакута тут один, то уборка затянулась бы на еще более длительное время. Он определенно был благодарен за помощь.

С момента окончания классного часа прошло более тридцати минут, и атмосфера в школе перешла из «после уроков» во «время занятий в клубах».

Редко Сакута сталкивается с таким, так что он быстро передел сменную обувь и направился напрямик к воротам.

Но по пути послышался знакомый звук, а потому Азусагава остановился. Ритмичный стук мяча. Большого и тяжелого. Звук исходил из спортзала.

Обычно он не обращал внимание на это, но сегодня что-то заставило его развернуться и пойти в сторону дверей в зал.

Металлические двери были открыты вовнутрь, а потому у Сакуты открывался вид на то, что происходит там. Там зависала группа девушек первогодок: «Куними такой крутой!», «Но он уже встречается с Камисато», «Даже если они расстанутся, в твою сторону он точно не посмотрит».

Парень, о котором они говорили, разминался, занимаясь дриблингом сразу с двумя мячами.

Сакута немного понаблюдал. В итоге Юма заметил его. Их взгляды пересеклись. Юма немного нахмурился, затем бросил один мяч, и подошел, продолжая дриблинг другим. Брошенный мяч пролетел через площадку, и лишь сетка издала тихий пух, когда мяч пролетел сквозь кольцо, даже не задев обода. Все девочки завизжали.

— Что случилось?

— Это с тобой что случилось, Куними?

— Что?

— Насколько популярным ты собираешься стать?

— Так это ты у нас встречаешься с Сакурадзимой, — усмехнулся Юма.

— Что ж, Май самая милая.

— Так ты пришел похвастаться?

— Отнюдь.

— Серьезно, почему ты здесь?

Юма закрутил мяч на пальце.

— Просто пришел повидаться с тобой.

— Ах, так ты теперь моя девушка?

— Камисато говорит подобную чушь?

— Чтоб ты знал, она тоже бывает очаровашкой.

Юма знал, что Сакута и Саки не ладят, а потому привык рассказывать ему о ее положительных качествах. Видимо, ему хочется, чтобы его друг и его девушка ладили.

— Кстати о ней...

Если он не найдет причину своего появления здесь, Юма продолжит допрос.

— Что с ней?

— Она помогла мне прибраться. Скажи ей еще раз спасибо от меня, ладно?

— Я запутался.

— Если хочешь узнать побольше, то освободи время в своем графике флирта и расспроси ее обо всем.

— Ну, я так и планировал.

— Это все.

Сакута развернулся и зашагал прочь.

— Сакута, — окликнул его Юма.

Азусагава оглянулся через плечо.

— Увидимся позже.

Обычное прощание, слова с обещанием встретиться вновь.

— ...

Сакута ответил лишь взглядом. Он даже не смог найти в себе силы сказать: «Конечно» или «До встречи».

Завтра они вновь пойдут в школу. Может быть, даже будут работать в одно время. Это не последняя их встреча, так почему же он промолчал?

Но Сакута не ответил. Где-то в глубине себя он не хотел этого делать. Страх перед будущим разросся в его душе.

— Ничего веселого, — прошептал он, выходя из дверей.

Предупредительный сигнал раздался на железнодорожном переезде. Сакута остановился и попытался разобраться в эмоциях, что бушевали в нем.

Может быть, это было то же самое чувство, что заставило его пойти в сторону спортзала. Внезапное желание навестить своего друга.

Где-то внутри него была мысль, которая возникала на инстинктивном уровне, что это может быть последний шанс встретиться с другом.

Причина была очевидной.

Он считал, что думает о том, какой выбор сделать. Но за последние четыре дня чаша весов внутри него склонилась. Склонилась без его ведома.

И тем, что помогло ему осознать это, оказался обычный диалог с другом. Лишь этого было достаточно.

Не требовалось ничего драматичного. Так устроен мир. Никто не знает, что именно может на что-либо повлиять. В этот же раз этим чем-то оказался диалог с Юмой. От осознания этого факта Сакута сморщился.

Поезд с Камакуры, направлявшийся в Фудзисаву, проехал переезд за шлагбаумом. Сакута должен был сесть на него, но даже бегом он не успел бы добраться.

Поезд пошел от него налево, пересек узкую речку и остановился около маленькой станции. Предупредительный звон умолк, шлагбаумы поднялись. Вновь стало тихо.

— Случилось что-то хорошее?

Справа до него донеслись слова. Знакомый голос. Сакута сразу узнал кто это.

— Футаба...

Рио стояла рядом с ним.

Звуки ее шагов были затмлены ревом предупредительного звонка, а потому Сакута ее вообще не заметил.

— Сегодня не в научном клубе?

Обычно она остается в нем после уроков, проводя эксперименты.

— Решила уйти пораньше, когда увидела тебя в окно.

Не такую причину он ожидал услышать. Сакута предположил что-то более прозаичное, например то, что учитель, курирующий клуб, не смог сегодня задержаться допоздна.

— Это признание в любви?

— Мне кажется, ты начал меня избегать.

— ...

Эти слова были настолько неожиданными, что Сакута забыл ответить. А еще он забыл перейти, хоть переезд уже и был открыт.

Все то удивление было видно на его лице, когда тот повернулся посмотреть на Рио.

— С самого начала этой недели.

— Тебе кажется.

Сакута и не думал, что сможет выкрутиться из этого разговора, но все равно решил оказать бесполезное сопротивление. Он не собирался просто так сдаваться и выкладывать тайну.

Это не та проблема, для решения которой Рио может что-то посоветовать. Это выбор между двумя жизнями. Его и Сёко. Он не мог взвалить это бремя на Футабу.

Она и так знает слишком много, потому он и стал избегать ее. Неизвестно, что может дать ей подсказку, способную навести ее на всю правду.

Это была всего лишь теория, но косвенных улик хватило, чтобы Рио смогла предположить, что старшая Сёко из будущего. Знай Рио о странной реакции шрамов Сакуты, то быстро бы поняла, что они вызваны не сожалением и бессилием. И когда факты перестали бы складываться, у нее появились бы сомнения в своей теории.

— Что случилось?

— Я же сказал, что тебе кажется.

— Я знаю, что в воскресенье тебе стало плохо.

— ...

— И то, что Сёко перевели в отделение интенсивной терапии. Я вчера ходила в больницу.

— Ох.

Очень даже в стиле Рио, разузнать все заранее.

— Значит, ты уже все знаешь? — спросил он, поднимая белый флаг.

— Я предположила возможный вариант.

Она звучала разочарованно. Будто хотела, чтобы ее теория оказалась ошибочной. Хотела, чтобы Сакута опроверг ее слова.

— Всякий раз, когда твои раны начинают кровоточить, появляется Сёко.

Рио смотрела вперед. На воды Шичиригахамы, что были видны через переезд. Пологий склон напрямик до пляжа. До него было чуть меньше ста метров. Быстрейший бегун в мире добежал бы менее чем за десять секунд.

— Ты просто нечто.

— Две Сёко, вероятно, не могут встретиться на квантовом уровне. Так же, как и когда я разделилась надвое. Я верю, что другая я существовала только тогда, когда за ней наблюдали.

— Но обычно она существует только как вероятность?

— Да. Твоя любимая квантовая физика. Но вы с Сёко уже встретились. Несмотря на то, что у нее есть кое-что от тебя.

— ...

Рио не переставала удивлять. Она смогла разобраться во всем сама.

— Невозможность существования двух твоих сердец одновременно послужила причиной появления твоих шрамов на груди. Наказание за нарушение правил мироздания.

Что ему оставалось, кроме как рассмеяться?

— Ты невероятна, Футаба.

— Я поняла это по твоему поведению.

— Правда?

— Раз ты избегал меня, значит у тебя была какая-то серьезная причина на это.

— Будто у меня был выбор! Я не мог просто так к тебе прийти и сказать: «Что я должен выбрать?».

Но теперь он решил открыться. Рио позволила это сделать без давления. Попытки сохранить молчание были бы бесполезны.

— Двадцать четвертого меня собьёт машина.

Он попутно изложил дату трагедии. Если Рио узнала так много, то заслужила время на подготовку к предстоящим событиям.

— Сакурадзима знает?

Предупредительные звонки зазвенели вновь.

— Да. Нам одновременно рассказали.

— Вы обсудили это?

— Это был ужас. Я позволил ей выговориться первой.

Сакута хотел бы найти для себя ответ до того, как Май выскажется по этому поводу. Но так и не смог. В то время он думал, что не может найти ответ, так как все еще пребывает в замешательстве, но потом осознал, что это было не так. Оглядываясь назад, он всегда чувствовал, будто знает ответ. Он всегда был, просто где-то глубоко внутри него. И он просто этого не осознавал.

И он ничего не говорил, так как знал, что ответ разобьет Май сердце.

— Это все, что я с уверенностью могу сказать, — произнесла Рио.

Шлагбаумы опустились вновь.

— Но тебе все же следует обсудить это с Май. Обсудить как следует.

— Да, я знаю.

— Это правда все, что я могу... — голос Рио дрогнул и стал немного невнятным.

— Но ты единственная, кто пришел и высказал мне все, Футаба.

Она даже не могла представить, насколько он был ей благодарен. Друг, который упрекнет тебя за нерешительность и слабость, бесценен.

— Азусагава, я...

Поезд, проходящий рядом со станцией, заглушил и без того тихие слова Рио. Вдобавок из-за дребезжания звонка стало вообще невозможно услышать, что именно она прошептала.

Но Сакута и без слов мог понять, что ей хотелось сказать. Рио всегда следовала логике, и раз эмоции брали над ней верх, то это значит только одно.

Она этого не хотела.

Он видел, как дрожали ее губы. Но она понимала, что если продолжит, то окажет на него лишнее давление, а потому не решилась сказать что-либо еще. Сакута видел, как за очками катятся ее слезы.

Поезд, пыхтя, медленно проехал мимо них. Его звуки и шум звонков огородили их от внешнего мира, и Сакута обвил руками Рио, прижав ее голову к своей груди, будто пытаясь скрыть ее слезы.

— Прости, что я не Куними.

— Ну почему ты такой? Даже когда...

Она уткнулась лбом в его грудь и зарыдала... но даже ее плач потонул в звуках железнодорожного переезда.

Часть 3

В конце концов Сакуте пришлось встретиться с Май.

Рио заставила его решиться на это, однако в тот день Май вернулась поздно, а в пятницу и субботу она вообще не планировала возвращаться. Из-за этого ему так и не удалось поговорить с ней.

Она позвонила вечером из отеля, но Сакута доложил только свои экзаменационные оценки.

— Видимо, в следующий раз придется пользоваться кнутом получше.

— Думаю, у меня выйдет лучше, если ты выберешь пряник.

Оба умалчивали о предстоящем 24 декабря. Видимо, они понимали, что об этом лучше стоит поговорить при встрече.

Времени оставалось все меньше, и Сакута напрягался все сильнее. Было слишком много мыслей не к месту.

Как ей рассказать? Когда? Каким тоном и какими словами? У него в квартире? Идя со станции? В парке на полпути до дома? Чем больше он об этом думал, тем запутаннее становились мысли, ведущие его в никуда. Ответов не было.

Если бы перед кем-то прежде стоял подобный выбор, то Сакута с удовольствием послушал бы об этом. Дилемма, с которой даже вымышленные персонажи почти никогда не сталкивались. Чем больше Азусагава про это думал, тем менее реальным для него оно становилось. В какой-то момент он усомнился в существовании правильного выбора.

Эти мысли крутились в его голове от восхода и до заката солнца. Настало воскресенье. День, когда в графике Май появилось свободное время.

Но она уже согласилась помочь Каэдэ со стрижкой, а потому встреча с Май была намечена на 14:00, сразу после работы. Местом же стала станция Фудзисава.

Это значило, что Каэдэ пойдет с ним.

Уже на месте Сакута и Каэдэ повстречали певицу блондинку-айдола. У Нодоки тоже был выходной. Вчетвером они проехали на поезде две станции до Чигасаки.

Визажист и парикмахер, что работала с Май с самого начала ее карьеры, держала здесь свой салон красоты.

От станции пришлось пройти еще десять минут. Все это время можно было чувствовать близость океана.

Сам салон выглядел очень стильно. В одиночку Сакута никогда не зашел бы в такое заведение. Небольшой, но приносящий доход бизнес.

— Я бы и мечтать не могла о такой поддержке, которую дарует мне Май Сакурадзима в качестве рекламы, — с улыбкой сказала владелица. Это была взрослая женщина лет тридцати с чем-то. Такие как она прекрасно выглядят в брючных костюмах.

Они провели Каэдэ прямо к зеркалам. Было заметно, как его сестра нервничала. Парикмахер, Май и Нодока обсуждали с ней, какую причёску можно для нее сделать. При каждом предложении парикмахер трогала волосы Каэдэ, оценивала их объём и качество, а затем давала свой мудрый совет.

С этим Сакута ничем не мог помочь.

Он сел на кресло и начал листать мужской журнал, открыв его на странице со статьей о электронике, которая ему была неинтересна. Там все было про последние смартфоны и высококачественные музыкальные плееры. У всего минимальная рекомендованная цена была выше пятидесяти тысяч йен. В основном ближе к ста тысячам йен. Вещицы не из тех, которые мог позволить себе старшеклассник.

Бросив взгляд на зеркало, Сакута увидел Каэдэ, завернутую в парикмахерский пеньюар, прямо как тэру-тэру-бодзу*, пока владелица стригла ее. Казалось, что его сестра все еще нервничает, однако продолжала держаться. Она делала это не потому что влюбилась в кого-то. Для нее это был важный шаг на пути по возвращению в школу.

[П/ЭС: Тэру-тэру-бодзу (буквально «блёск-блёск монах») – традиционная японская кукла-амулет ручной работы, изготавливаемая из простой белой бумаги или белой ткани. Японские крестьяне считали, что этот амулет обладает магической силой и способен приносить хорошую погоду и прекращать, предотвращать или вызывать дождь.]

Сакута полистал другие журналы. В итоге рядом с ним под села Нодока.

— Двадцать четвёртого я поеду домой сразу после концерта, — сказала она.

— Думаю, тебе лучше стоит позависать вместе с друзьями, Дока.

— Не зови меня так!

— Тогда как мне тебя называть?

— Мисс Нодока.

— Цените своих фанатов, Мисс Нодока.

— Б-боже, не стоит меня и впрямь так называть!

— Мисс Нодока, не стоит кричать в помещении.

Несколько рабочих в салоне удивленно посмотрели на нее.

— Я сказала, что поеду сразу домой! — прошипела Нодока, отодвинувшись от него.

— Тогда мы оставим для тебя кусочек торта, Тоёхама.

— За это я не беспокоюсь.

Она посмотрела на него.

— Тогда... новогоднего цыпленка?

— Ты на еде помешан, а?

— Как и ты на своей сестре?

На самом деле он думал, что это не сработает.

— Да, — огрызнулась Нодока. Видимо, она вообще не собирается скрывать это. К тому же, в официальном профиле Нодоки Май Сакурадзима указана как то, что она больше всего любит. Данный факт был выставлен всем напоказ. Сакута все еще не верил, что ее агентство разрешило сделать такое.

— Скажи, как у нее дела в последнее время? — спросил он, глядя в сторону Май. Она стояла позади Каэдэ и разговаривала с ней и парикмахером. Сакурадзима периодически улыбалась, элегантно и зрело.

Стрижка шла гладко.

— Не скажу.

— Не скрывай это от меня, Дока.

— ...

— Мисс Нодока?

— Все же ты тот еще везунчик, Сакута.

— С чего такие выводы?

— С того, что ты проведешь Рождество с моей сестрой!

Недовольный взгляд Нодоки впился в него.

— Она беспокоится о том, что приготовить, где заказать торт, как выглядеть красиво. И все ради тебя!

— Последний пункт и для работы тоже.

Май носила колготки даже летом, чтобы ноги не загорели.

— Никогда не думала, что она так долго выбирает одежду для свидания.

— Теперь мне завидно. Никогда не видел эту сторону Май.

— Да, и никогда не увидишь.

— Просто представить это уже восхитительно.

— Хватит фантазировать о моей сестре!

Нодока попыталась наступить ему на ногу, но Сакута увернулся.

— Не двигайся!

— Сними ботинки, если хочешь наступить на меня.

Они издавали громкий цокающий звук при каждом ее шаге. Их несомненно можно было классифицировать как смертельное оружие.

— Но ей ты разрешаешь наступать на себя.

— Потому что она Май.

Только извращенцу понравится, если сестренка его девушки наступит на него.

— Перестань пытаться! — сказал он, уклоняясь.

— Разговор серьёзный! — Нодока сурово посмотрела на него.

Сакута прекрасно понимал это, но избегал контакта глазами, делая вид, что читает журнал.

— Я знаю, — сказал он.

Сакута прекрасно знал, что его ожидает. Небольшой проблеск будущего. И так как осознавать это было болезненно, его желание не играло большой роли... он не мог обещать того, что не заставит Май плакать. Такое слово ему вряд ли удалось бы сдержать.

И он не собирался лгать.

— ...

— Сакута?

Нодока наклонилась, чтобы посмотреть в его глаза. Ее сверкающие золотистые волосы закрыли ему обзор.

— Тоёхама.

— Что?

— Твои глаза блестят.

— Не блестят. Дурак.

— Точно блестят. Дура.

Они припирались еще несколько минут, пока звук фена не затих.

— Готово! — сказала парикмахер.

Когда костюм тэру-тэру-бодзу был снят, Каэдэ встала на ноги, а затем медленно подошла к ним.

Казалось, что ей было тяжело установить зрительный контакт. Она сильно волновалась. По-

настоящему детское поведение. Однако теперь, когда новая прическа лишила ее косичек, Каэдэ стала выглядеть более взросло. Длина волос особо не изменилась, но из-за небольшого загиба вовнутрь они казались короче.

— В-выглядит странно?

— Не будь столь грубой.

— Я-я не это имела ввиду! Клянусь! — сказала Каэдэ, обернувшись к парикмахеру.

Владелица была слишком взрослой, чтобы волноваться по таким пустякам.

— Думаю, тебе как раз по возрасту, — сказал Сакута.

— Не выглядит так, будто я перестаралась?

— Каэдэ, это уже по части Нодоки.

— А? На что ты намекаешь? — спросила Нодока, пару раз моргнув.

— «Перестаралась» выглядит вот так, — Сакута посмотрел на свисающие светлые локоны Нодоки.

— Ничего подобного!

— Май, а твой парень забавный, — сказала парикмахер.

Май лишь неловко улыбнулась. Похоже, она не приняла это как комплимент.

— Так что ты думаешь, Сакута? — вновь спросила Каэдэ.

— Не слишком вызывающе, не слишком банально, думаю, тебе как раз.

— Х-хорошо.

Все еще нервно потирая руки, Каэдэ пару раз украдкой взглянула на себя в зеркало. На ее лице виднелась улыбка, и Сакута сделал вывод, что прическа ей понравилась. Просто она еще не привыкла к новому образу, оттого и спрашивала мнение других людей, чтобы успокоиться.

Но, по его мнению, Каэдэ к подобному скоро привыкнет.

— Май, хочешь постричься, пока ты здесь?

— Пока нет. Съёмки все ещё идут.

— Скоро Рождество. Я только кончики подстригу.

Парикмахер многозначно посмотрела на Сакуту.

— Я буду участвовать в съёмках для рекламы нескольких шоу, так что после...

Май рассказала, что вновь будет в Канадзаве завтра и послезавтра. Она будет привлекать внимание к фильму путем посещения различных шоу. На одном из них надо будет объездить места съёмок вместе с ведущим. Это произойдет на популярном шоу, которое идет в 7 часов вечера. Сакута уже когда-то смотрел его.

— Ты приходила сюда на прошлой неделе, Нодока, — сказала парикмахер. — Так что тебя можно не подстригать.

— Ага.

— Ты тоже сюда ходишь, Тоёхама?

— А что, с этим что-то не так?

— Ты уж слишком обожаешь свою сестру.

— Я люблю ее куда больше тебя.

— Ого. Вот этого я так просто не оставлю.

— У меня преимущество в годах.

— Лаааадно, хорошо. Ты победила. Тогда позаботься о Май за меня.

— А?

На его попытки любезности ответили презрением. Но Сакута решил не обращать на это

внимание. Он почувствовал взгляд на себе, и теперь думал только об этом.

— ...

Май молча смотрела на Сакуту и Нодоку. Даже когда их взгляды пересеклись, она продолжила молчать. Сакута почувствовал давление от ее мыслей. Но за все то время, что они оплачивали счет и покидали салон, она не проронила ни слова.

Парикмахер проводила их к выходу, и их компания направилась обратно до станции Чигасаки. Каэдэ все время была озабочена тем, что ветер наводил беспорядок на ее голове. И каждый раз улыбалась, когда Май поправляла их.

— Ты же сможешь завтра поправлять их самостоятельно?

Сакута понимал, что Май не сможет это делать каждый день.

— Если ты будешь делать так, как она сказала, все будет нормально. Хорошо?

— Х-хорошо.

Поначалу Каэдэ нервничала, находясь рядом с Май Сакурадзимой, но спустя несколько недель их отношения поменялись. Теперь она относится к Май как, к девушке постарше, с которой она общается и которой восхищается.

Разговаривая о прическе Каэдэ, они добрались до станции Чигасаки.

Май направилась в сторону турникетов, но остановилась еще снаружи.

— Нодока, прости... можешь проводить Каэдэ домой?

— Мм? А ты не можешь?

— У нас с Сакутой есть планы.

Для него это было неожиданно. Он не припоминал, чтобы они договаривались о чем-то подобном. Она даже не подала ему никаких намеков. Сакута посмотрел на нее, ожидая объяснений, но Май даже не бросила взгляд в его сторону.

Но Сакута все равно планировал как-нибудь, но все-таки провести с ней время, а потому подыграл ей.

— Каэдэ, сможешь дойти до дома без меня?

— Я могу проехать станции две на поезде, — сказала она возмущённо. — По-твоему, сколько мне лет?

— Внешне ты третьегодка, а вот головой – первогодка.

— Весь этот день я бы могла провести без тебя. Было супер смущающе, что ты сам к нам присоединился.

— Я немного взволнован твоей внезапной самостоятельностью.

— Не смотри на меня! — сказала Нодока.

— Сестролюбие это по твоей части.

— Кто бы говорил.

— Прости Каэдэ. Я одолжу Сакуту ненадолго.

— Конечно. Не знаю, что ты нашла в нем, но он твой. Спасибо за сегодня, — Каэдэ поклонилась. — Сакута, эм... и тебе, ну... тоже спасибо, — добавила она.

— Пожалуйста, — сказал он саркастично.

— Ух, какой же ты противный.

Каэдэ надула щеки.

— Когда ты вернешься? — спросила Нодока так, словно делала это каждый день. Просто узнавая время ожидания.

— Наверное, достаточно поздно, — ответила Май уклончиво.

Нодока посмотрела на Сакуту укоризненным взглядом. Что, по ее мнению, они собрались делать? Каэдэ потихоньку покраснела, у нее было определенно неправильное представление.

Но оправдания или объяснения закопали бы их лишь глубже, так что Сакута решил оставить это недопонимание. Рассказать правду будет намного сложнее.

Май, видимо, пришла к аналогичному выводу, а потому тоже решила ничего не объяснять.

— ...

Губы Май были плотно сжаты, и Сакута не мог понять ее эмоций. Он продолжал мыслить об этом, пока Каэдэ и Нодока шли к станции, но безуспешно. Хотя в этом нужды особо и не было. Май обеспечила им момент для разговора наедине.

Вопрос был в том – где? Он не ожидал, что останется с ней наедине на станции Чигасаки, а потому понятия не имел, куда пойти. К тому же Сакута никогда тут не был, из-за чего не знал, что есть рядом. Он знал лишь то, что Чигасаки – это часть Сёнан*. Пойдя на юг, они бы пришли к океану. Отсюда казалось, что салон не далеко.

[П/КС: Сёнан – регион вдоль побережья залива Сагами в префектуре Канагава.]

— Хоть мы и пойдем путем, которым пришли, но может сходим до пляжа? — предложил он.

Но Май уже ушла.

— А?

Сакута увидел ее около билетной кассы. Она рассматривала список поездов и стоимость билетов.

— Мы едем куда-то? — спросил он, подходя.

— Да.

— Куда?

— Далеко.

Она пошла без него напрямик к турникетам.

— Ох, Май, подожди!

Он побежал за ней.

Май привела его на платформу линии Токайдо. Тот же поезд, на котором они приехали сюда со станции Фудзисава. Дом находится в другой стороне, но они стояли на выездной платформе,

линия пролегла в противоположную от Токио сторону. По этому пути они могут доехать до Одавара, Югавара и Атами.

— Куда направляемся, Май?

— Поезд прибыл.

Они вместе сели в вагон серебряного цвета, с оранжевыми и зелёными полосками, который шел до Атами. Сакута понятия не имел, куда она хотела с ним уехать.

Найдя свободные места, они сели вместе. Двери закрылись, и поезд тронулся со станции. Все казалось странно знакомым. Он уже ездил на этом поезде вместе с Май.

Прошлой весной.

Сакута встретил Май и узнал о ее подростковом синдроме. Тогда они ехали на этом поезде, чтобы узнать его площадь действия.

— Навевает воспоминания, — пробормотал он.

Май не отвечала и не смотрела ему в глаза.

— Прошло уже семь месяцев.

— Всего семь месяцев.

— Жизнь с тобой стала насыщенной, так что время пролетело незаметно, — сказал он.

— ...

— Я тогда и представить не мог, что начну встречаться с тобой.

Не то чтобы он не надеялся. Вне всяких сомнений, проводить время с прекрасной сэмпай было приятно, и только то, что она уделяла ему внимание, уже вскружило ему голову. Но на большее Сакута и не рассчитывал. Даже не думал об этом. Пока подростковый синдром позволял, Азусагава наслаждался этим временем, что они проводили вместе.

Май частенько ругала его за то, что он испытывает удачу, и даже называла наглецом. На слухи о госпитализации, связанные с Сакутой, она не обращала внимания. Сакурадзима смотрела на него и оценивала, формируя собственное мнение.

А потому он чувствовал себя комфортно рядом с ней. Даже когда она щипала его за щеку или наступала ему на ногу – это делала Май, так что было здорово. Сакурадзима не хотела причинить ему боль. Это было частью их подшучиваний.

Подшучивания переросли в привязанность, а привязанность – в любовь.

Сакута и Май провели много времени вместе. Лучшую часть года. Благодаря ей эти месяцы стали веселыми. Она наполнила их смыслом. Позволила ему чувствовать себя непринужденно.

Вспоминая общее прошлое, Сакута сидел рядом с Май и вкладывал свои чувства в слова.

Поездка до Атами заняла пятьдесят минут. И большую часть этого времени он поддерживал беседу в одиночку.

Часть 4

Когда они добрались до Атами, было уже больше шести часов.

После захода солнца на станции, известной своими горячими источниками, в воскресенье было не так уж и много людей. Хотя отопительные приборы на ожидающих поездах и гудели, в целом на станции было тихо, а холодный зимний воздух лишь усиливал впечатление.

Стоя на платформе, Май оглянулась по сторонам в поиске расписания.

— ...

Ее глаза пробежалась по цифрам. Она выглядела напряженной.

Скорее всего Атами – не конечный пункт их назначения. Кажется, им предстояло уехать еще дальше. Возможно, она желала уехать с ним до Огаки, прямо как этой весной. Однако, в отличие от Сакуты, Май не стала придаваться воспоминаниям.

— Какой поезд увезет нас дальше всего? — спросила она. Сакута становился все более уверенным в своей догадке.

— Если продолжим ехать по линии Токайдо, то, как минимум, доедем до Огаки.

Они уже ездили по такому маршруту. Май это знала. Чем дальше они отправятся, тем меньше выборов направления у них будет.

— Если мы пересядем на синкансэн, то доедем до Осаки.

Только Кодама* останавливался в Атами, но если они сделают пересадку в Нагое, то смогут поехать напрямик до Санъё или Кюсю. Поезда, уходящие далеко на запад, поворачивают на юг.

[П/КС: Кодама (буквально «Эхо») – один из трех поездов, курсирующих по линиям Токайдо и Санъё синкансэн.]

— Что насчет поезда в сторону Идзумо? — спросила Май, указывая на расписание. Это был достаточно поздний рейс.

— Идзумо, как в «храм Идзумо-тайся»? — спросил он.

— Также есть поезд до Такамацу.

— В Сикоку?

Это была префектура Кагава. Сакута решил проверить расписание, потому что предположил, что в нем есть какая-то ошибка, но, как оказалось, в 23:23 действительно шли поезда до Идзумо и Такамацу. В обоих были спальные вагоны, что объясняло их работу в позднее время. Они были из того типа, которые отправляются глубоким вечером и доставляют пассажиров до пункта назначения рано утром. Если два поезда отправляются в разные места, но в одинаковое время, то вероятно, часть маршрута они едут вместе.

Из этого можно было сделать вывод, что Идзумо и Такамацу действительно два сильно отдаленных места, а не просто похоже названные точки назначения.

— Если сядем на этот поезд, то доберемся до Идзумо.

— Скорее всего.

Сам Сакута не ездил на этом поезде, но он доверял японской железнодорожной системе.

— Интересно, нужно ли покупать специальные билеты?

— Наверное.

Май взяла Сакуту за руку и зашагала.

— Эм... Май?

— ...

Она просто продолжала тащить его за собой.

— Куда мы собираемся?

— К дежурному на станции.

— Я не об этом... Куда мы в итоге собираемся?

— Далеко.

— Как далеко?

— Очень далеко.

— ...

— Если продолжим ездить на поездах, мы уедем дальше, чем в прошлый раз.

— Спальные вагоны популярны в наше время. Есть вероятность, что все билеты уже раскупили.

Это была запасная стратегия, однако именно она заставила Май наконец-то остановиться. Но она так и не обернулась.

— Тогда мы можем поехать на обычном поезде.

— Уже поздно, мы не уедем дальше Огаки.

Расписание было более или менее неизменным.

— Если поездов не будет, проведем ночь в каком-нибудь городе.

— Возьмем один номер на двоих?

— Если хочешь.

— Кажется, мне несказанно повезло.

— А утром поедem вновь.

— Куда-то далеко?

— Да, очень далеко. Настолько далеко, насколько получится уехать. Так далеко, что мы...

Все это время ее голос был ровным, но сейчас Сакута уловил в нем дрожь. Она не подавляла эмоции, и не была стойко невозмутимой. Эмоции, что бушевали внутри нее, были слишком сильны, чтобы выразить их напрямую. Сакута понимал это, так как чувствовал то же самое.

Чтобы справиться с этим чувством, Сакута хотел найти время поговорить с Май... должно быть, то же самое чувствовала и она...

— Отличное намечается приключение.

Представляя путешествие, о котором говорила Май, эти слова шли от всего сердца.

— Не правда ли, будет здорово?

— Да, действительно...

— В таком случае...

— Но Май, ты ведь это не всерьез?

— ...

Плечи Май дрожали.

— Нет, Сакута...

Ее сильно трясло.

— Это все ты никак не нашутишься.

Голос, вырвавшийся из глубины ее горла, больше походил на надрывный крик. В то же время глаза Май были пустыми как крошечная тьма. Тело Сакуты вздрогнуло, когда она уставилась на него разъяренным взглядом.

— !

Сакута никогда раньше не видел такого выражения на ее лице.

— Я не хочу от тебя этого слышать.

— ...

— Я не хочу обсуждать с тобой воспоминания.

— Май...

— Я хочу поговорить с тобой о будущем.

— ...

Было уже слишком поздно беспокоиться о взглядах прохожих людей на станции. Май перед ним походила на хрупкий предмет, который может разбиться в любой момент. Она обнажила свои сокровенные чувства и Сакута не мог отвести от нее взгляда. Казалось, она была настолько призрачной, что если он моргнет, Май может исчезнуть... на её лице читалась боль...

— Зачем прощаться с Нодокой и Каэдэ как в последний раз, несешь какую-то чушь!

— ...

— Ответь хоть что-нибудь!

— ...возможно ты права.

Сакута чувствовал то же самое, когда встретил Юму и Рио в школе. Его тело и рот подсознательно сказали те слова.

Затем, когда он прощался с Каэдэ и Нодокой, его посетили те же мысли, что и при прощании с Юмой и Рио. Видимо поэтому он произнес те слова вновь.

— Не смей сдаваться.

— ...

— И не смей решать без меня.

— Я не могу взвалить это на тебя.

— Кто я для тебя?

На этих словах ее глаза дрогнули. Будто она ненавидела себя за то, что сказала это. Будто она никогда не хотела этого говорить. Но сколько бы она ни клялась этого не делать, эмоции взяли верх над разумом. Ей уже стало все равно.

— Моя девушка.

— Тогда я разделю эту ношу с тобой...

— ...

— Жизнь Сёко...

— ...

— До тех пор, пока мы оба живы ...

Он стиснул зубы, серьезно глядя на нее.

— Это больно слышать, Май.

— Почему?!

Если Сакута выживет, маленькой Сёко не сделают пересадку сердца. Может быть, найдется другой донор, но он думал, что все не может вот так удобно обернуться.

Если Сакута выживет, Сёко не будет спасена. Как ему встретить такое будущее с распростёртыми объятиями? Маленькая Сёко так упорно боролась. Несмотря на все свои страдания и боль, она изо всех сил старалась оставаться позитивной и жизнерадостной. Больно даже думать о спасении своей жизни, ценой ее жизни.

И он не мог взвалить на Май эту боль. Они оба не были достаточно взрослыми, чтобы жить вместе с таким чувством вины. Даже его ограниченные моральные принципы не могли позволить сделать этого.

Больше всего Сакута хотел вернуть долг. Отплатить старшей Сёко за все, что та для него сделала. Ведь она спасла его две недели назад точно также, как и два года назад, рассказав о смысле жизни. Он не мог отнять у нее самое важное.

— Иногда даже я должен правильно поступать.

— Ты всегда так и делаешь.

— Если это не сделаю, плохо будет всем.

— Не думай ни о ком, кроме меня, Сакута!

— Я зашел так далеко лишь благодаря тому, что Футаба и Куними подружились со мной, проигнорировав слухи.

— ...

— Каэдэ старалась ради того, чтобы стать моей сестрой. Я не могу подвести ее. Вернулась изначальная Каэдэ, и мне нельзя поступить неправильно на ее глазах.

— Почему?.. Почему?..

— Кога и Тоёхама продолжали общаться со мной, как бы я их не дразнил. А Сёко спасала меня вновь и вновь.

— ...

— Я не хочу разочаровывать людей, что так заботились обо мне.

— Даже если я тебя попрошу?..

— Я прислушаюсь к любой твоей просьбе.

— Тогда!..

— Но прямо сейчас я не могу сделать только одного.

— Не говори так!

Май закрыла уши руками, словно разозлившийся ребенок.

— Прошу, — прошептала Май, смотря в пол. — Останься со мной навсегда. Будь со мной, пока не пройдет Рождество.

— ...

— Никогда не покидай меня.

Сделав шаг вперёд, она уткнулась лбом в его плечо.

— Давай сядем на поезд и уедем далеко. Далеко настолько, насколько сможем.

— Звучит здорово.

— Правда?!

— Если бы я мог, то с радостью согласился.

В его голосе звучало смирение. Это желание было непостижимо, и оттого было так заманчиво.

— Но я так не могу, Май.

— Почему?!

— Мне завтра в школу.

Очень банальная причина. Нечто, что мама говорит ребенку.

— Прогуляй.

— Мне надо приготовить завтрак для Каэдэ. Да и ты знаешь, что Тоёхама тоже не умеет готовить.

— ...

— А еще завтра у тебя работа.

— Это не...

— Помнишь, что сказала Тоёхама? Неважно, насколько больна Май Сакурадзима, она не пропустит ни единого дня работы. Неважно, насколько тебе плохо, ты бы прыгнула в океан посреди зимы.

— ...Плевать на нее. Работа не важна!

— Важна. Люди верят в тебя. Тебе нельзя их подводить.

— Если я потеряю тебя, то уже ничего не будет важно!

Она сжала его куртку, будто не желая отпускать Сакуту. Вот почему он продолжал говорить. Говорить голосом разума.

— Я люблю тебя Май.

— ...

— И люблю, как ты работаешь.

— Сейчас это не важно!

— Каждый раз, видя тебя по телевиденью или на обложке журнала, я думаю о том, что моя девушка супермилая.

— Не это я хочу слышать.

— Жалко, что из-за твоей работы у нас было мало времени для свиданий.

— Я же говорю, что больше никогда не брошу тебя!

— Но я хочу быть с той Май, с которой был всегда.

— !..

Видимо эти слова тронули ее до глубины души. Она вздохнула и замолчала.

— Всегда строга к себе, пытаешься быть строгой и ко мне, но ведешь как раз-таки иначе. Именно такую Май я люблю.

На этих словах он почувствовал, как у него начали жечься глаза. Самые краешки у носа. Он отчаянно сдерживался, ожидая, пока пройдет эта волна эмоций. Заплачь он сейчас, всему бы пришел конец. Все, ради чего он старался, пошло бы насмарку, и ему захотелось бы убежать с Май. В Идзумо или Такамацу, так далеко, как только они смогли бы. Но у него не было на это права. А потому ему приходилось бороться с желанием заплакать.

— ...Хорошо, — сказала Май, когда он замолчал.

— ...Май?

— Хорошо.

— ...

— Пока ты жив, мне все равно, ненавидишь ли ты меня или нет.

С невыразимыми эмоциями Май подняла голову вверх. Когда он увидел ее лицо, разум Сакуты опустел. Ее глаза переполняли слёзы, стекавшие по щекам. И он мог лишь только смотреть.

— Прошу... останься со мной...

Май плакала и всхлипывала как маленький ребенок. Не было никакого притворства или попытки быть красивой. Она выплеснула все эмоции наружу, не сдерживая их. Вылила на него все, не сдерживаясь.

— Будь со мной...

— ...

Волна мучительного чувства вины накрыла его. Сакута и представить себе не мог, что Май будет вот так плакать. Он даже не думал, что она вообще может плакать.

Ему казалось, что решимости в нем становится все меньше.

— Будь со мной пока не пройдет Рождество. А потом ненавидь меня сколько душе угодно!

— Я не могу.

— Почему?!

— Я никогда не смогу тебя ненавидеть.

— Почему?.. Почему?..

Ее ноги задрожали, и она рухнула на колени. Сакута опустился, поддерживая ее.

— Я всегда буду любить тебя Май.

Он притянул ее к себе, поглаживая по спине, словно успокаивая маленького ребенка.

— Лжец... — ее голос был приглушен, так как говорила она в его куртку.

— Клянусь, я буду любить тебя всегда.

— Лжец...

— Я буду любить тебя всегда.

— Лжец... Но и я такая же.

— ...

— Мне не все равно, ненавидишь ты меня или нет.

Ее хватка на его куртке стала крепче. Она тянула его так сильно, что было больно.

— Я не хочу, чтобы ты ненавидел меня, — всхлипнула она.

Это были ее последние слова. Потом она лишь плакала. Сакута был не способен ее сдержать, а потому продолжал слушать ее плач, который был словно множество ударов плетью для его ушей.

Часть 5

Путь от Атами до Фудзисавы был проведен в тишине. Они взяли места в зеленом вагоне и старались избежать чужих взглядов. Май все время смотрела в окно.

Глаза покраснели от слёз, а так как уже была ночь, Сакута мог увидеть это в отражении. Ему пришлось подавлять желание сказать ей что-нибудь несколько раз. Стоит ему дать слабину сейчас, как его хрупкое желание молчать разрушится, и он расскажет ей все, что скрывал.

Если бы он это сказал, то пути назад уже не было бы. Потому ему оставалось только молчать и не выражать эту мысль вслух.

На станции Атами Май потребовалось время, чтобы прийти в себя. Так что, когда они приехали в Фудзисаву, было больше одиннадцати часов вечера. В столь позднее время, в воскресенье,

станция была безлюдной. Новогодние гирлянды лишь усиливали эффект пустоты.

По пути до дома Сакута и Май молчали.

Периодически Сакута слышал, как она всхлипывала носом. Они шли плечом к плечу, но смотрели в разные стороны. И так было до тех пор, пока не дошли до дома.

— Спокойной ночи, Май.

— Спокойной ночи.

Они наконец-то заговорили, но эти пару слов оказались единственными в их диалоге.

Выглядев измученной, Май зашла в свой дом. Сакута смотрел на нее, пока она не зашла в двери и не пропала из виду. Лишь затем он последовал ее примеру и пошел к себе домой.

Сакута стоял один в лифте.

Тишина была угнетающей.

Он чувствовал, что теряет контроль над эмоциями. Слова, что он так не хотел произносить, застряли у него в горле.

Попытка не думать об этом позволяла ему сохранять здравомыслие. Он мог не обращать на это внимание, просто забив голову другим. Ему никогда не приходилось встречаться со смертью лицом к лицу, поэтому он думал, что сможет справиться.

Но, увидев слезы Май, понял правду.

Он увидел значение смерти в этих слезах.

Лифт поднялся на его этаж.

Он доковылял до двери, провернул ключ, вошел внутрь.

Свет горел в прихожей, в коридоре и в гостиной.

Услышав звук открывающейся двери, Сёко вышла ему навстречу.

— С возвращением, Сакута.

Сёко улыбалась как обычно. Нежно, всепрощающе, ослепительно. От этого он опустил голову вниз.

— Май сегодня останется у себя дома?

— Да... — ответил он едва слышимым голосом.

— Ох.

— ...А Каэдэ? — выдавил он, не поднимая взгляд.

— Уже в кровати. Ей очень понравилась новая прическа. Она сияла от счастья весь вечер.

— Это хорошо.

— Может, для начала примешь ванну? Если ты голоден, я могу что-нибудь приготовить.

Сакута попытался снять обувь, но не смог пошевелить ногами.

— Сёко, я...

Когда он поднял голову, она все ещё улыбалась.

— ...

От ее выражения лица у него перехватило дыхание.

— Не надо, — сказала она. — У тебя уже есть прекрасная девушка.

Сёко немного поддразнивала его тихим голосом, чтобы не разбудить Каэдэ.

— Да, я мог бы хвастаться ей всю ночь напролет.

— Завидую.

— Поэтому...

Больше он не мог сдерживаться. Его голос дрожал, и рыдание вырвалось из горла.

— Я никогда не хотел, чтобы Май так плакала из-за меня.

Столь простая мысль, но попытка выразить ее словами потрясла его до глубины души. Эффект, оказанный на него, был сильнее, чем он ожидал. Шок, возникший в его сердце, поразил все тело.

Он и представить не мог, что когда-либо почувствует такое напряжение.

— Я не хочу заставлять ее так плакать вновь.

Было поздно. Каэдэ спала. Он стиснул зубы, стараясь сохранять голос тихим.

— Вот поэтому... Сёко.

Сёко, стоя перед Сакутой, продолжала улыбаться.

— Да? Что такое?

— Прости меня, Сёко.

Он не смел посмотреть ей в глаза. Тело дрожало словно лист. Колени подкосились, и он пал на пол. Он обвинил себя руками, пытаясь унять эту дрожь, и позволил выйти наружу эмоциям, которые держал все это время глубоко внутри.

— Я хочу жить.

Его продолжало трясти. Он до этого никогда не испытывал подобного. Так много страха, печали и разочарования... Но Сёко была рядом. И ее тепло.

— Я хочу жить дальше.

Его сердечное желание. Что-то настолько банальное, за что он никогда не стал бы молиться. Ему никогда не приходилось просить разрешение жить. В этом никогда не было необходимости. Сакута принимал жизнь как должное.

Но именно такое желание было у маленькой Сёко всю жизнь. Единственное заветное желание. Он никогда даже представить себе такого не мог.

Он хотел жить. И ничего более.

Поэтому ему казалось, что желать этого перед Сёко нельзя. Даже нельзя произносить эти слова.

Но этого было недостаточно, чтобы подавить его желание жить, которое лишь усиливалось. В итоге он поставил свою жизнь на первое место. Чем больше он сопротивлялся, тем сильнее становилось противоположное желание. Пока его желание жить не вырвалось наружу.

Потому что он любит Май.

Потому что он не хотел, чтобы она так плакала.

Но если ей придется заплакать, то он хочет хотя бы быть рядом с ней.

— Прости, Сёко. Просто я... Прости меня.

Сакута хотел сказать что-то еще, но не смог. Он повторял эти слова словно ребенок, незнающий других слов.

— Прости... Но я хочу быть с Май всегда. Остаться с ней навсегда.

Что-то теплое окутало его трясущееся тело. Это было тепло объятий Сёко, которое защищало от всего, что его так пугало.

— Это я должна просить прощения, — сказала она. — Прости, что взвалила на тебя такой выбор, Сакута. Сделай я все лучше, тебе никогда бы не пришлось от этого страдать.

— Это не...

— Это не твоя вина, Сакута.

— Я...

— Ты хорошо постарался, Сакута.

— ...Но я!

— Ты сказал все, что должен.

— ...Ух. Уаааахх!

Больше он не мог выразить эмоции словами.

— Так что сделай Май счастливой.

— ...Уугххх ...Уаахх ...Ауухх!

Сакута хотел сказать ей еще что-то. Слова благодарности? Извинения? Нечто иное? Ему и самому не было понятно, но желание сообщить ей что-то не покидало его.

Но ничего не выходило из него. Даже слезы не текли. Лишь долгий, хриплый и бессловесный вопль.

И Сёко простила его за желание жить.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/1998654>